



## «Китайский профессор», который обманул крупнейших интернет-гейткиперов

Как элита альтернативных медиа за одну ночь создала геополитического оракула — и как история отношений Северной Кореи и Китая разоблачает его самую абсурдную теорию о “младшем брате”.

Феликс Абт

птн 04 сен 2026     22 мин. чтения

Поразительно, с какой стремительностью никому не известный интернет-комментатор может превратиться в мировую сенсацию, если доверчивые ведущие СМИ сами расчищают ему путь. С ошеломляющей скоростью такие фигуры, как

Пирс Морган, Такер Карлсон и Марио Науфал, а вместе с ними и десятки миллионов их зрителей, безоговорочно приняли Цзяна Сюэциня за авторитетного учёного и своего рода геополитического оракула.

На крупнейших мировых платформах эту никому прежде не известную фигуру внезапно стали представлять как выдающегося историка, блестящего аналитика, а порой — едва ли не как современного пророка. И всё же на протяжении всего этого стремительного взлёта ни один из ведущих не удосужился задать самые элементарные вопросы о его профессиональной квалификации, методологии или тех экстраординарных утверждениях, которые он делал.

И это подводит нас к самому простому и вместе с тем совершенно проигнорированному вопросу:

## Профессор чего?

Цзян родился в 1976 году в Тайшане, провинция Гуандун, Китай, а в возрасте шести лет вместе с семьёй эмигрировал в Канаду. Он является гражданином Канады и окончил Йельский университет по специальности «английская литература» — не история, не геополитика, не математика, не экономика и не анализ данных.

Всё это вовсе не означает, что он неумен. Равно как и диплом по английской литературе не лишает его права высказывать своё мнение об истории или геополитике. Но здесь возникает очевидный вопрос к ведущим телепрограмм и подкастов, которые раз за разом представляют его как «профессора»: на какой именно академический авторитет они при этом ссылаются?

Цзян начал свою профессиональную карьеру как внештатный журналист и активист неправительственных организаций, а затем преподавал в частной средней школе в Пекине. Карьерный путь был довольно скромным. Однако в какой-то момент в представлениях известных медийных персон «учитель» каким-то образом превратился в «профессора».

## Затем наступил прорыв

Главные геополитические прогнозы Цзяна на 2024 год, касавшиеся Дональда Трампа и международных конфликтов, получили огромный резонанс в интернете, превратив его из малоизвестного комментатора в вирусный интернет-феномен.

Учитывая чрезвычайную популярность предвыборных обещаний Трампа положить конец ненавистным американцам «вечным войнам» и восстановить разрушенную экономику, которая ввергла десятки миллионов жителей США в бедность, предсказать его победу на выборах едва ли было каким-то выдающимся достижением. Куда сложнее было бы предсказать, что, придя к власти, он нарушит буквально каждое из этих обещаний. Как бы то ни было, после этого YouTube-канал Цзяна пережил взрывной рост и вскоре преодолел отметку в два миллиона подписчиков

Результатом стала резкая трансформация его карьеры. Цзян оставил традиционное преподавание и почти полностью переключился на медийную деятельность: стал развивать свой YouTube-проект *Predictive History*, писать статьи, выступать в подкастах и участвовать во всё более статусных студийных интервью с такими фигурами, как Алекс Джонс, Макс Блюменталь, Марио Науфал, Такер Карлсон и Пирс Морган.

Перемена была поразительной — не только потому, что его аудитория росла столь стремительно, но и потому, что вместе с ней рос и его воспринимаемый авторитет.

Бывший школьный учитель превратился в «профессора», геополитического аналитика, «исследователя» и в конечном счёте — едва ли не в оракула, предсказывающего мировые события. Алекс Джонс, например, представлял Цзяна как «ведущего китайского исследователя».

Но это порождает ещё один неудобный вопрос: исследователь в какой именно области — и на каком основании?



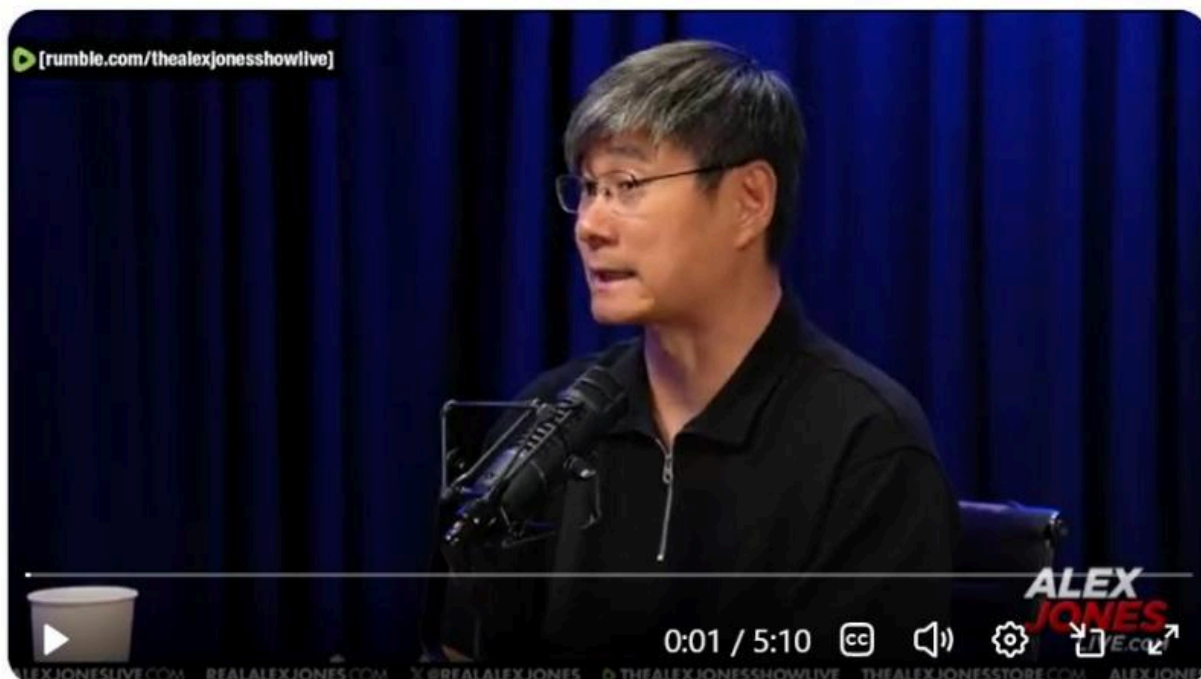
Alex Jones ✓  
@RealAlexJones

Follow



Top Chinese Researcher Jiang Xueqin Predicts The US & China Will Make A Deal When Xi Jinping Visits Washington DC Next Month:

"China, Because Of The Strain On Its Economy, Is Willing To Make A Major Deal!"



Алекс Джонс неоднократно представлял Цзяна Сюэциня в своей программе как «ведущего китайского исследователя». Проблема в том, что в реальных академических и общественных кругах Китая о существовании подобного «ведущего исследователя» ничего не известно. (Скриншот из X)

Это различие имеет значение, поскольку авторитет Цзяна основан не просто на его умении убедительно излагать свои мысли. Он во многом опирается на создаваемое впечатление, будто за его словами стоит специальная академическая экспертиза.

И, по всей видимости, мало кто из ведущих, наделявших его таким авторитетом, счёл необходимым остановиться и задать самый элементарный вопрос:

Профессором чего именно он, собственно, является?

## Создание видимости академического авторитета

YouTube-проект Цзяна *Predictive History* использует многие визуальные и риторические атрибуты академической среды: лекции, аудитории, студентов, схемы и образ авторитетного преподавателя, разъясняющего якобы сложные теории исторического развития.

Но внешняя убедительность — ещё не доказательство.

Ключевой вопрос заключается в том, действительно ли эти материалы представляют собой академическое преподавание и исследовательскую работу — или же обстановка учебной аудитории используется прежде всего как декорация для создания видимости интеллектуального авторитета.

Это различие имеет принципиальное значение.

Человек не становится историком лишь потому, что выступает перед аудиторией. Математическая формула не превращается в прогностическую модель лишь потому, что написана на доске. И утверждение об истории не становится научным исследованием только потому, что произносится тоном университетской лекции.

Именно такое впечатление и создаётся, когда известные медийные персоны снова и снова называют Цзяна «профессором», не выясняя при этом, какую именно академическую должность он занимает и какие научные работы подтверждают его заявления.

## Что происходит, если подвергнуть его утверждения проверке?

Проблема становится значительно серьёзнее, если внимательно рассмотреть некоторые из экстраординарных утверждений Цзяна.

Он объявлял «чепухой» такие темы, как эволюция, история Древнего Рима и Холокост, одновременно всерьёз рассматривая конспирологические теории вроде *Pizzagate* и утверждения о том, что высадки американцев на Луну были инсценированы.

Речь здесь идёт не о незначительных разногласиях между историками. Это чрезвычайно серьёзные утверждения, которые требуют столь же серьёзных доказательств.

Где же они?

Вместо систематической работы с первичными источниками, рецензируемых научных исследований и прозрачной методологии презентации Цзяна в основном опираются на материалы из интернета, отдельные истории и тщательно выстроенные нарративы, которые могут создавать впечатление объяснительной силы, вовсе не обязательно её демонстрируя.



И это подводит нас, пожалуй, к самому важному вопросу: в чём именно заключается методология *Predictive History* — и способен ли кто-либо независимо воспроизвести её прогнозы?

## Проблема «психоистории»

Цзян утверждает, что использует математическую теорию игр и «психоисторию» — термин, заимствованный из научной фантастики Айзека Азимова.

Уже одно это должно вызывать скепсис. Психоистория у Азимова — вымышленная концепция, литературный приём, основанный на идее о том, что статистическое поведение огромных масс людей можно математически предсказывать. Реальные общественные науки устроены куда сложнее.

Если Цзян действительно разработал работающую прогностическую методологию, правильная реакция — не насмешка. От неё следует потребовать того же, чего потребовали бы от любой серьёзной прогностической модели:

Покажите нам уравнения. Покажите исходные допущения. Покажите исторический массив данных. Покажите прогнозы, сделанные до того, как события произошли. Покажите не только успехи, но и неудачи. И дайте независимым исследователям возможность проверить эту модель.

Именно так наука отличает модель от истории. Критики, в том числе авторы *Triple Ampersand*, утверждают, что якобы сложные прогнозы Цзяна в значительной степени опираются на общедоступные рынки политических ставок, такие как *Polymarket*. Если эта критика справедлива, возникает очевидный вопрос:

Действительно ли Цзян предсказывает события — или же он лишь переупаковывает информацию, которую рынок уже учёл в своих коэффициентах?

Прогноз о Трампе — и проблема «гениальности задним числом»

Значительная часть репутации Цзяна основана на его прогнозах, связанных с победой Дональда Трампа в 2024 году и последующим конфликтом между США и Ираном.

Однако один верный прогноз крупного события ещё не доказывает существование научной системы прогнозирования. Интернет полон людей, которые однажды сделали поразительно точное предсказание, а затем выстроили вокруг этого целый личный бренд.

Настоящая проверка должна быть систематической.

Сколько всего прогнозов было сделано?

Когда именно они были сделаны?

Были ли они публично зафиксированы до того, как стал известен исход событий?

Сколько из них оказались ошибочными?

Удалялись ли неудачные прогнозы, тихо забывались или переписывались задним числом?

И самое главное:

Может ли независимый наблюдатель рассчитать историческую точность прогнозов Цзяна, не полагаясь на его собственные рассказы о своих успехах?

Пока на эти вопросы нет ответа, «психоистория» рискует выглядеть не столько как научная дисциплина, сколько как удачный элемент личного брендинга.

## А затем — Иран

Цзян пошёл значительно дальше, предсказав, что в конечном итоге Соединённые Штаты развяжут полномасштабную войну против Ирана, которая будет включать наземное вторжение и участие сотен тысяч американских военнослужащих.

Это чрезвычайно смелый прогноз. А значит, он заслуживает столь же тщательной проверки.

Как на практике должна была бы выглядеть такая война?

Откуда возьмутся необходимые войска?

Как их будут перебрасывать и снабжать?

Как Соединённые Штаты смогут обеспечивать такую операцию политически и финансово?

Как будет преодолено сопротивление американского общества затяжной наземной войне?

Что произойдёт, если военная логистика даст сбой, запасы вооружений и боеприпасов сократятся до критического уровня или будут полностью исчерпаны — как это уже происходило в ходе войн на Украине и на Ближнем Востоке, — а их восполнение займёт годы или даже десятилетия, поскольку Китай откажется поставлять критически важные компоненты американской оборонной промышленности?

Что произойдёт, если набор в армию не позволит укомплектовать вооружённые силы необходимым числом военнослужащих, а этот дефицит наложится на и без того колоссальную долговую нагрузку и нестабильность рынка облигаций — причём всё это вполне предсказуемо уже сейчас?

Геополитический прогноз не становится достоверным лишь потому, что звучит драматично.

Такой прогноз должен выдержать столкновение с реальностью.

А именно реальность — это то, на чём многие грандиозные геополитические нарративы начинают выглядеть куда менее убедительно — а порой и просто нелепо.

## Нарратив, адаптированный под аудиторию

Пожалуй, наиболее показательная черта стремительного взлёта Цзяна в медиа — вовсе не какой-то отдельный его прогноз.

Гораздо важнее то, насколько эффективно его нарратив, по всей видимости, адаптируется под конкретную аудиторию.

Для аудитории, враждебно настроенной к Соединённым Штатам, он делает акцент на неизбежном и катастрофическом крахе Американской империи.

Для аудитории, убеждённой в том, что «Китай — это плохо», он подчёркивает неизбежный крах якобы некомпетентной китайской диктатуры и превосходство западной демократии американского образца.

Для аудитории, глубоко враждебно настроенной к России, он предлагает другой удобный вывод: Россия уже проиграла войну на Украине.

Разная аудитория. Разные враги. Разные акценты.

И всё же, подобно меняющимся версиям лжеца, эти противоречия в конце концов становятся невозможно игнорировать: Цзян называет Китай диктатурой, одновременно утверждая, что его «диктатор» Си Цзиньпин в действительности не обладает реальной властью.

Так что же верно? Китай находится под контролем Си — или Си всего лишь номинальная фигура? Или же Китаем на самом деле управляет совсем другая элита — возможно, как Цзян утверждал в других случаях, граждане Китая, получившие образование в университетах Лиги плюща и живущие на Западе?



Это далеко не второстепенные различия. Они в корне меняют всю исходную логику его объяснения.

## Главный исторический пробел в теории Цзяна Сюэциня о «младшем брате»

Пожалуй, нигде слабость геополитической концепции Цзяна не проявляется столь наглядно, как в его характеристике Северной Кореи как своего рода «младшего брата» Китая — подчинённого государства, которое в конечном счёте делает то, что ему говорит Пекин.

Китай, несомненно, обладает огромным влиянием на Северную Корею.

Это не вызывает споров.

Вопрос в другом: равнозначно ли влияние контролю?

Исторические факты свидетельствуют о куда более сложной картине.

## Аналогия с «маленькими коричневыми братьями»

Есть и ещё одна проблема с характеристикой Цзяна о «младшем брате»: она напоминает старое американское колониальное выражение, которым филиппинцев называли «маленькими коричневыми братьями» Америки.

Эта аналогия имеет серьёзный исторический подтекст. Выражение возникло в контексте колониальных отношений Соединённых Штатов с Филиппинами и использовалось для представления филиппинцев как якобы незрелого народа, нуждающегося в американской опеке и надзоре.

Цзян, по-видимому, переносит эту иерархическую концепцию на отношения Китая и Северной Кореи: Китай выступает в роли могущественного старшего брата, а Северная Корея изображается как своенравный младший брат, чьё поведение в конечном счёте определяется Пекином.

Но именно здесь эта аналогия перестаёт работать. Северная Корея — не Филиппины времён американского колониального правления, а Китай не обладает тем формальным колониальным суверенитетом, которым Вашингтон обладал над Филиппинами.

Что ещё важнее, исторические факты не позволяют рассматривать Пхеньян как послушного вассала.

Проблема не только в том, что Цзян использует неудачную метафору. Эта метафора, по сути, незаметно вносит в анализ целое политическое допущение:

Поскольку Китай несоизмеримо сильнее Северной Кореи, значит, Северная Корея в конечном счёте должна находиться под контролем Китая.

Из этого вовсе не следует такой вывод. Асимметрия сил — это не то же самое, что политическое подчинение.

Более того, история Северной Кореи скорее свидетельствует об обратном. Ким Ир Сен неоднократно использовал соперничество между более крупными державами именно потому, что понимал: зависимость от одного-единственного покровителя способна поставить под угрозу автономию Северной Кореи.

Если Цзян сознательно опирается на концепцию «маленьких коричневых братьев», ему следовало бы объяснить, почему метафора, возникшая для описания колониальной иерархии, вообще подходит для отношений между двумя суверенными государствами, за плечами которых десятилетия взаимного недоверия, стратегических манипуляций и несовпадающих интересов.

В противном случае эта аналогия не просто упрощает историю. Она заранее предопределяет вывод — ещё до того, как рассмотрены доказательства.

## Балансирование Ким Ир Сена между великими державами

Китайско-советский раскол открыл перед ним исключительные возможности.

По мере того как отношения между Китаем Мао Цзэдуна и Советским Союзом Никиты Хрущёва ухудшались из-за разногласий в идеологии, стратегии, отношениях с Соединёнными Штатами и борьбе за лидерство в коммунистическом мире, Ким Ир Сен понял, что слабость Северной Кореи сама по себе может стать источником влияния.

Он не хотел превращаться в сателлита Москвы. Но не хотел становиться и сателлитом Пекина.

Вместо этого Пхеньян стремился сохранять достаточную независимость от обеих держав, чтобы получать помощь от каждой из них.

Когда советское давление становилось чрезмерным, Ким мог подчеркнуть особую близость Северной Кореи с Китаем. Когда недовольство выражал Пекин, у Пхеньяна по-прежнему оставалась возможность опереться на Москву.

Цель заключалась не в том, чтобы в каждый момент сохранять идеальную равноудалённость от обеих держав.

Главное было в другом: не допустить, чтобы какая-либо из великих держав получила решающий контроль над Северной Кореей.

Ким понимал простой принцип политики великих держав:

Если Пекин опасался, что Пхеньян может сблизиться с Москвой, у Китая появлялся стимул поддерживать Северную Корею.

Если Москва опасалась, что Пхеньян может сблизиться с Пекином, у Советского Союза, в свою очередь, появлялся стимул поддерживать Северную Корею.

Таким образом, Северная Корея могла превращать страх великих держав потерять своё влияние в инструмент давления и торга. Это едва ли похоже на поведение пассивной пешки.

## Поразительное свидетельство 1961 года

Один из наиболее показательных примеров относится к июлю 1961 года. С разницей всего в несколько дней Северная Корея подписала важные договоры в сфере безопасности с обеими коммунистическими сверхдержавами.

6 июля Советский Союз и Северная Корея подписали в Москве Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Пять дней спустя, 11 июля, Ким Ир Сен отправился в Пекин и подписал аналогичный Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Китаем.

Оба соглашения содержали положения о взаимной помощи в случае вооружённого нападения.

Подумайте, что это означало.

Именно в тот момент, когда Москва и Пекин всё глубже втягивались во всё более ожесточённое противостояние, Ким Ир Сен сумел добиться гарантий безопасности от обеих сторон.

Он не выбрал одного покровителя и не подчинил себя ему. Напротив, он расположил Северную Корею между двумя соперничающими державами и извлекал выгоду из их противостояния.

Это не свидетельство страны, лишённой геополитической субъектности. Напротив, это пример того, как небольшое государство сознательно максимизирует свои рычаги влияния в отношениях с гораздо более могущественными державами.

## Получение помощи от обеих сторон

Та же стратегия распространялась и за пределы военной сферы. Советский Союз оказывал Северной Корее значительную промышленную, технологическую, научную и военную помощь. Советское содействие сыграло роль и в создании ранней ядерной инфраструктуры КНДР.

Китай, в свою очередь, оставался важным источником продовольствия, сырья, потребительских товаров и другой экономической помощи.

Таким образом, Пхеньян мог использовать отношения с одной стороной в противовес отношениям с другой. Когда отношения с Москвой осложнялись, возрастало значение Пекина. Когда возникали трудности с Пекином, возрастало значение Москвы. Северной Корее не требовалось, чтобы какая-либо из сверхдержав её любила.

Ей было нужно, чтобы обе боялись её потерять.

## Чистки также были направлены против зависимости от иностранных держав

Внутренняя политическая история делает характеристику Северной Кореи как «младшего брата Китая» ещё более проблематичной.

На раннем этапе в Трудовой партии Кореи существовали соперничающие фракции, связанные с различными иностранными державами, включая просоветские силы и Яньаньскую фракцию, ориентированную на Китай.

В конечном итоге Ким Ир Сен выступил против обеих.

Нараставшее противостояние между Китаем и Советским Союзом создало условия, в которых Ким Ир Сен мог представлять своих внутривластных соперников как группировки, находящиеся под иностранным влиянием, или как «прислужников» внешних сил.

Последовавшие чистки устранили конкурирующие центры политической власти и способствовали укреплению позиций самого Кима и лояльной ему группы. В конечном итоге это вылилось в особый идеологический акцент на чучхе и политической независимости.

Здесь есть важная ирония.

Политическая система, которую Цзян изображает как в основе своей подчинённую Китаю, в значительной степени была выстроена вокруг прямо противоположного принципа: Северная Корея никогда не должна оказаться в подчинении у иностранной державы.

Это не означает, что идеология чучхе и проводимая на её основе политика сделали Северную Корею по-настоящему независимой во всех практических отношениях.

Но это означает, что историческое развитие северокорейского государства невозможно вписать в упрощённую модель отношений «хозяин — слуга».

## Небольшое государство может обладать несоразмерно большим влиянием

Последующая история Северной Кореи лишь подтверждает этот вывод. Пхеньян неоднократно демонстрировал четыре характерные черты:

- Стратегическая автономия: Северная Корея сопротивлялась полной зависимости от какой-либо одной великой державы.
- Дипломатическое балансирование: она использовала соперничество между более крупными державами, чтобы расширять пространство для собственного манёвра.
- Асимметричные рычаги влияния: колоссальное превосходство Китая в экономической и военной мощи не устраняет уязвимостей, с которыми сам Пекин сталкивается в отношениях с Пхеньяном.
- Стратегический оппортунизм: когда международная обстановка меняется, Северная Корея ищет новых покровителей, альтернативные источники помощи и новые возможности извлечь выгоду.

Это не ставит Северную Корею в равное положение с Китаем, но делает их отношения куда более сложными и многогранными, чем предполагает распространённая карикатурная схема.

Слабое государство может сильно зависеть от более могущественного и при этом сохранять значительную самостоятельность в принятии решений. Более того, асимметричная зависимость порой сама по себе даёт слабой стороне рычаги влияния — именно потому, что сильная сторона может гораздо больше потерять при определённом развитии событий.

## Китаю необходима стабильность на его границе

Китай не хочет, чтобы ядерный кризис вышел из-под контроля. Китай не хочет внезапного краха Северной Кореи, который приведёт к появлению миллионов беженцев. И Китай не хочет, чтобы прямо у его границ возникла объединённая Корея, находящаяся в военном союзе с Соединёнными Штатами.

Пхеньян это понимает.

И само это понимание уже является источником рычагов влияния.

## Эта закономерность не исчезла с окончанием холодной войны

Та же стратегическая логика вновь проявилась в отношениях между Северной Кореей и Россией. После начала российской военной операции на Украине правительство Ким Чен Ына существенно сблизилось с Россией Владимира Путина. Впоследствии две страны углубили военное сотрудничество и заключили формальное стратегическое партнёрство.

И вновь Пхеньян реагировал на изменение международной системы. России были нужны партнёры. Северной Корее требовались экономическая и дипломатическая поддержка. У обеих сторон были причины использовать противостояние между Россией и Западом в своих интересах.

Но важный вывод состоит не в том, что Россия заменила Китай в роли нового «хозяина» Северной Кореи.

Во время холодной войны Северная Корея активно выстраивала связи за пределами Китая и Советского Союза именно для того, чтобы укрепить свою международную легитимность и снизить зависимость от Москвы и Пекина. Особенно активно Пхеньян действовал в Африке, предоставляя инфраструктурную помощь, поставляя оружие и обучая партизанские движения и силы в недавно обретших независимость государствах, таких как Зимбабве и Гвинея-Бисау.



Кроме того, Северная Корея выстроила тесные антиамериканские партнёрства с Кубой, Ираном, Сирией и Организацией освобождения Палестины (ООП), поставляя им вооружения.

Иными словами, Северная Корея неоднократно стремилась поддерживать сразу несколько внешнеполитических связей именно для того, чтобы не оказаться в полной зависимости от одного-единственного покровителя.

## Почему модель «гангстер и подручный» не выдерживает критики

Именно здесь формулировка Цзяна — в которой Китай предстаёт как «гангстер» или «мафиозный босс», диктующий условия подчинённому или «младшему брату», — начинает вызывать серьёзные вопросы. Суть проблемы не в том, способен ли Пекин оказывать давление на Пхеньян; безусловно, способен.

Китай контролирует потоки критически важной экономической помощи, обладает огромным дипломатическим влиянием и отчасти формирует стратегическую среду, в которой действует Северная Корея. Его экономическое и военное превосходство подавляющее.

Однако ни одно из этих обстоятельств не доказывает, что Пекин может просто снять трубку и приказать Пхеньяну начать войну. Это куда более смелое утверждение — и оно требует гораздо более весомых доказательств.

Реальные отношения значительно сложнее. Северная Корея зависит от Китая, но одновременно опасается китайского доминирования. Пекин рассматривает Северную Корею как важный буфер, но при этом боится последствий политической нестабильности в Пхеньяне. Более того, хотя Северная Корея активно ищет поддержку как России, так и Китая, Москва и Пекин соперничают друг с другом не меньше, чем сотрудничают.

И Пхеньян неоднократно демонстрировал готовность использовать противоречия между более крупными державами, чтобы сохранять собственную стратегическую свободу.

Это не простая иерархия «хозяин — слуга». Это асимметричная взаимозависимость.

Цзян сводит всю эту сложную историю — с её меняющимися союзами, национализмом, стратегическим обманом, несовпадающими интересами и случаями, когда более слабые государства ограничивают возможности более

сильных, — к гангстерской истории, в которой босс отдаёт приказ, а подручный бросается кусать.

Из этого получается увлекательный материал для телевидения и YouTube, который скорее подтверждает талант Цзяна как автора художественного вымысла.

Но как историческая интерпретация всё это не убеждает.

## Личное наблюдение

Мой собственный непосредственный опыт делает характеристику Цзяна особенно трудной для принятия.

Мне доводилось жить и работать с северокорейцами — и даже путешествовать вместе с ними по Китаю. Меня поразило, насколько сильно они ощущают себя именно корейцами и насколько чётко противопоставляют себя китайцам.



Феликс Абт прибыл в международный аэропорт Шанхай Хунцяо вместе с группой северокаорейских специалистов по производству, контролю качества и маркетингу в рамках деловой поездки в Китай. В общении с китайскими партнёрами корейцы проявили себя как компетентные и уверенные в себе профессионалы. Будучи глубоко патриотичными, они наверняка восприняли бы как серьёзное оскорбление снисходительное определение их как «младших сестёр» китайцев. (Фото: Феликс Абт)

Они чрезвычайно гордятся своей национальной идентичностью и, по моему опыту, нередко относятся к Китаю с заметным недоверием, если не с откровенным пренебрежением.

Личный опыт не заменяет систематического исследования. Но он позволяет увидеть слепую зону упрощённых геополитических моделей: сами северокорейцы воспринимают себя совсем не так, как их воспринимают иностранные стратеги.

Представлять их просто как «младших братьев» Китая — значит игнорировать национализм, историческую память, настороженность к иностранному господству и сильнейшее стремление к автономии, которые десятилетиями формировали политическую культуру Северной Кореи.

Поэтому отношения между Пекином и Пхеньяном правильнее рассматривать как сложные отношения между двумя государствами, которые нуждаются друг в друге, не доверяют друг другу, манипулируют друг другом и постоянно стремятся максимально сохранить собственную свободу действий.

И это порождает куда более интересные вопросы, чем: «Что Китай прикажет сделать Северной Корее?»

Гораздо показательнее спросить:

- Как Мао Цзэдун и Никита Хрущёв в частном порядке оценивали стратегию балансирования Ким Ир Сена?
- Насколько сильно Пекин и Москва были раздражены попытками Кима добиться уступок одновременно от обеих сторон?
- Как Пхеньяну удалось пережить августовский внутривластный кризис 1956 года, несмотря на давление как просоветских, так и прокитайских сил?
- Каким образом Северная Корея раз за разом использовала соперничество между Китаем, Россией и Соединёнными Штатами в своих интересах?
- И самое главное: каким реальным влиянием располагает Китай, когда желаемый Пекином исход вступает в противоречие с собственными интересами Пхеньяна?

Эти вопросы не складываются в простую геополитическую притчу с очевидной моралью. Они дают куда более интересную картину:

небольшое государство, которое неоднократно демонстрировало поразительную способность использовать соперничество между гораздо более крупными державами в своих интересах.

И эта история должна заставить любого с осторожностью относиться к попыткам свести Северную Корею к роли послушного «младшего брата» Китая.

## Обвинения в коррупции

Цзян также делает весьма широкие заявления о коррупции в Китае, называя его «самой коррумпированной страной в мире».

Но столь масштабные утверждения требуют сравнительных доказательств.

Я действительно вёл бизнес в разных странах мира, в том числе в Китае. У Цзяна нет сопоставимого международного делового опыта. И это имеет значение, когда человек делает столь широкие выводы о том, как на самом деле функционирует целая национальная экономика — и люди, работающие внутри неё.

Я также [семь лет жил и работал в Северной Корее](#). В то время Transparency International относила Северную Корею к числу самых коррумпированных стран мира. И всё же лично я ни разу не давал взятку.

Доказывает ли это, что коррупции в Северной Корее не было? Разумеется, нет. И именно в этом суть.

Мой личный опыт — лишь частный случай. Он не позволяет судить об уровне коррупции во всей стране. Тот же стандарт должен применяться и к Цзяну. Какие бы отдельные истории или личный опыт у него ни были — если они вообще есть, — сами по себе они не доказывают, что Китай является «самой коррумпированной страной в мире».

А что насчёт Соединённых Штатов? Здесь коррупция фактически легализована, позволяя сверхбогатым тратить неограниченные суммы на покупку политиков, политического влияния и контроля. Дошло до того, что иностранные лоббистские группы могут способствовать устранению популярных и патриотически настроенных политиков, таких как Томас Масси, и заменять их очередными политиками, для которых интересы Израиля стоят на первом месте, — как это недавно и произошло. И всё это на фоне значительного большинства законодателей, которые последовательно продвигают повестку Израиля, даже когда это идёт в ущерб Соединённым Штатам. Как могло случиться, что всё это ускользнуло от внимания «профессора» Цзяна, когда он рассуждал о коррупции в Китае?

Согласно последнему Индексу восприятия коррупции Transparency International за 2025 год, который оценивает воспринимаемый уровень коррупции в государственном секторе, Северная Корея занимает 172-е место из 182 стран с результатом 15 баллов из 100. Это ставит КНДР в число стран с одними из самых низких показателей в мире — однако примечательно, что она всё же не входит в десятку стран, занимающих самые последние места рейтинга.



Китай, между тем, набрал 43 балла и занимает 76-е место из 182 стран, то есть не входит даже в число 40 стран с худшими показателями в этом рейтинге.

Это наглядно показывает, почему риторику необходимо отделять от фактов. Между утверждениями «в Китае существуют серьёзные проблемы с коррупцией» и «Китай — самая коррумпированная страна в мире» лежит огромная разница.

Первое утверждение можно проверить с помощью фактов и данных. Второе — это сравнительное утверждение о положении Китая относительно практически всех остальных стран мира, а значит, оно требует именно сравнительных доказательств. И это различие принципиально важно.

Если Цзян хочет доказать, что Китай отличается уникальным или исключительным уровнем коррупции, недостаточно привести несколько отдельных историй о взятках или злоупотреблениях бюрократии. Необходимо с помощью прозрачной методологии показать, как Китай выглядит в сравнении с остальным миром.

А если он считает международные оценки коррупции недостаточно надёжными, тогда ему следует предложить лучшую методологию — такую, которую можно было бы независимо изучить и последовательно применять к другим странам.

В противном случае утверждение «Китай — самая коррумпированная страна в мире» — это не эмпирический вывод.

Это пропагандистский лозунг.

## Реальная история: эффектная подача вместо проверки фактов

Самое показательное в стремительном взлёте Цзяна Сюэциня — не столько он сам, сколько крупнейшие медийные платформы, предоставившие ему трибуну. Когда такие ведущие, как Такер Карлсон, чья сеть TCN в среднем набирает около 57 миллионов просмотров в социальных сетях и на подкаст-платформах, Пирс Морган с активной аудиторией примерно в 30 миллионов человек на различных платформах, Алекс Джонс с примерно 4,5 миллиона подписчиков, Марио Науфал, называющий свою программу «крупнейшим шоу в X», или Макс Блюменталь и *The Grayzone*, имеющие в совокупности более миллиона подписчиков на разных платформах, приглашают такого персонажа, как «профессор» Цзян, в передачи, которые смотрят миллионы, элементарная журналистская проверка фактов должна быть само собой разумеющейся.

Вместо этого самые элементарные вопросы полностью исчезли:

- **Квалификация:** Каков его реальный академический статус? Почему выпускника факультета английской литературы следует считать авторитетом в области истории?
- **Научная основа:** Где его рецензируемые научные публикации? Можно ли независимо воспроизвести его математическую методологию?
- **Реальные результаты:** Какой процент его прогнозов оказался ошибочным? И какая часть его «модели» на самом деле представляет собой лишь переупакованные данные с рынков ставок?

И здесь возникает вопрос: проверяли ли эти известные ведущие его биографию и профессиональный путь — или же просто безоговорочно приняли созданный им образ «профессора»?

Любая классическая афера строится на готовности жертвы поверить в искусно созданную иллюзию. В данном случае форма полностью подменяет содержание. Поставьте комментатора перед учебной аудиторией, дайте ему маркер, добавьте несколько зловещих геополитических схем, а затем пусть известный ведущий своим авторитетом придаст ему легитимность. И вот уже миллионы людей уверены, что слушают признанного эксперта.

Авторитет заслуживают доказательствами, а не создают при помощи титула. Если Цзян действительно нашёл способ заглядывать в будущее, ему следует опубликовать свою методологию, раскрыть исходные данные и предложить её для независимого научного рецензирования. Если его модель выдержит такую проверку, это будет исторический прорыв. Если нет — перед нами всего лишь современная версия старого мошеннического трюка, не более чем искусно поставленная имитация интеллектуального авторитета.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ   Сюэцинъ, Цзян   Северная Корея